

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/gculek>

Проявления речевых компетенций у русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва в условиях естественного тувинско-русского билингвизма

Лицкевич Евгений Юрьевич

Тувинский государственный университет, Россия, Кызыл

Хакасский государственный университет имени Н. Ф. Катанова, Россия, Абакан

<https://orcid.org/0009-0000-7308-7600>

lis180@list.ru

Аннотация: Изучается монолингвизм в условиях естественного тувинско-русского билингвизма. С учетом того, что овладение языком вообще, а овладение вторым языком тем более подчиняется не лингвистическим, а психологическим закономерностям, законам усвоения и подражания, нами предпринята попытка изучить индивидуально-психологические особенности такой высшей психической функции, как речь. Именно речь на втором языке у лиц, позиционирующих себя как монолингвы и отрицающих, что они имеют возможность говорить на неродном языке. Цель – обозначить и зафиксировать факт некоторых языковых компетенций в тувинском языке у лиц, позиционирующих себя монолингвами, и провести качественный анализ их языковых навыков. Применены диагностические методы: клиническая беседа, наблюдение, анкетирование. Также нами было установлено наличие некоторых зачастую неосознаваемых языковых компетенций на втором языке, факт владения которым респонденты отрицали, и особенности их языковой личности. Сделаны выводы, что появление монолингвизма возможно только на ранних стадиях формирования психики; в онтогенезе монолингвизм трансформируется в психологический билингвизм, а далее – в полилингвизм; речевые компетенции русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва формируются в естественной билингвальной среде; среди речевых компетенций русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва, сформированных в условиях естественной билингвальной среды, имеются неосознаваемые и / или непризнаваемые речевые компетенции иных языковых систем, в результате чего они фактически являются билингвами.

Ключевые слова: язык, речь, психоллингвистика, билингвизм, монолингвы, языковые интерференции, тувинский язык

Цитирование: Лицкевич Е. Ю. Проявления речевых компетенций у русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва в условиях естественного тувинско-русского билингвизма. *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки.* 2024. Т. 8. № 1. С. 41–48. <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-41-48>

Поступила в редакцию 11.11.2023. Принята после рецензирования 23.01.2024. Принята в печать 29.01.2024.

full article

Speech Competencies in Russian-Speaking Monolinguals of the Tyva Republic in the Context of Tuvan-Russian Bilingualism

Evgeny Y. Litskevich

Tuva State University, Russia, Kyzyl

N. F. Katanov Khakass State University, Russia, Abakan

<https://orcid.org/0009-0000-7308-7600>

lis180@list.ru

Abstract: This article features monolingualism in the Tuvan-Russian bilingual community. Language acquisition, especially when it is the second language, follows psychological rather than linguistic patterns, e.g., assimilation and imitation. In this research, we made an attempt to study the individual psychological features of speech as a higher mental function. Our respondents positioned themselves as monolinguals and denied that they had an opportunity to practice their second language. The research objective was to identify and record some linguistic competencies in the Tuvan language in Russian monolinguals, as well as to conduct a qualitative analysis of their language skills. We used such diagnostic methods as clinical interview, observation, and questionnaires to obtain data on some

linguistic competencies in the second non-native language spoken by monolinguals. While profiling a typical linguistic personality, we recorded some linguistic competencies in the second language that the respondents were not aware of. In the linguistic environment of the Tyva Republic, monolingualism is possible only at the early stages of cognitive development. In ontogenesis, it transforms into psychological bilingualism, and then into multilingualism. The Russian-speaking monolinguals of the Tyva Republic develop their speech competencies in a natural bilingual environment. As a result of the natural bilingual environment, Russian-speaking monolinguals develop unconscious speech competencies that actually make them bilinguals.

Keywords: language, speech, psycholinguistics, bilingualism, monolinguals, language interferences, Tuvan language

Citation: Litskevich E. Y. Speech Competencies in Russian-Speaking Monolinguals of the Tyva Republic in the Context of Tuvan-Russian Bilingualism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki*, 2024, 8(1): 41–48. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/2542-1840-2024-8-1-41-48>

Received 11 Nov 2023. Accepted after review 23 Jan 2024. Accepted for publication 29 Jan 2024.

Введение

На сегодняшний день ведущими гуманитарными науками как за рубежом, так и в России накоплено достаточное количество знаний о билингвизме, многочисленные научные подходы к описанию и определению которого предлагают широкий диапазон вариантов его понимания и трактования, роли и значения. Научная среда поделилась на два лагеря, где представители одного считают, что билингвизм способствует повышению умственных способностей индивида, а другие – что особой разницы в когнитивной сфере между билингвами и монолингвами нет. Традиционно исследования на данную тему проводились относительно второго неродного языка, изучаемого как иностранный в отрыве от социокультурной среды, в которой он применяется. В ходе анализа специализированной литературы отмечено отсутствие вариативности научных теорий по развитию и формированию естественного билингвизма, его этапов, фаз, особенностей динамики становления. Эпизодическим работам по изучению русского национального билингвизма присущ несистемный характер, акцент в которых делается однозначно в сторону билингвов, а тема монолингвов не раскрывается вообще. В научной литературе отсутствуют изыскания на тему монолингвизма в целом, а с точки зрения психологии особенно, что создает предпосылки для неверного истолкования этого явления.

Обучение в той или иной форме сопровождает жизнь любого человека на всех его этапах, но особенно оно актуально в период взросления, когда биологически и социально человек погружен в обучающую его социокультурную среду. Ядром же психологической структуры процесса обучения, его основой, является мыслительная деятельность человека, орудием которой считается язык во всех его формах и выражениях.

Поэтому изучение психологических закономерностей языковой деятельности человека в контексте повышения требований общества к образовательным процессам и их результатам, проблематике психологического обеспечения и сопровождения

образовательных процессов является востребованной и актуальной областью научных исследований [1–6].

Не ставя цель классифицировать или детально описать уровень языковых интерференций и компетенций у русскоязычных жителей республики в условиях естественного тувинско-русского билингвизма, мы стремимся только обозначить и зафиксировать факт некоторых языковых компетенций в тувинском языке у лиц, позиционирующих себя как монолингвы, и провести качественный анализ их языковых навыков.

Предметом исследования являются проявления речевых компетенций у русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва в условиях естественного тувинско-русского билингвизма.

Теории билингвизма и история его изучения

В связи с тем что «массовый билингвизм становится нормой современной цивилизации» [7, с. 59], значительное место в литературе по филологии, педагогике, психологии, социологии и др. начал занимать билингвизм. Существует множество научных взглядов на многогранную проблему двуязычия с позиций различных дисциплинарных и методологических подходов, диапазон которых ширится от весьма элементарных и простейших языковых навыков до свободного владения вторым языком. Однако, несмотря на отсутствие общепринятой теории, описывающей взаимозависимость и механизм взаимодействия между двумя языками и этапы освоения второго языка, а также выстроенной на этой основе типологии, выделяются общие характеризующие и классифицирующие признаки билингвизма: 1) естественность и искусственность; 2) первичность и вторичность языка.

Проблему отсутствия единого подхода достаточно четко определили исследователи, указавшие на то, что широко распространенное в современном мире описание феномена владения родным и другими языками, которых может быть более одного, трактуется

все же как билингвизм и ведет ко множеству проблем социального, правового, психологического, дидактического, методического и иного характера [8–12].

Здесь же следует упомянуть В. Ю. Розенцвейга и обозначить его позицию относительно билингвизма. Он подразделял билингвизм на координативное и субординативное двуязычие [13]. Согласно его теории, координативный билингвизм – тип двуязычия, при котором субъект владеет двумя языками в равной мере и переключается с одного на другой в зависимости от ситуации общения. При субординативном двуязычии билингв свободно владеет лишь одним языком, который подчиняет себе в его сознании второй, неродной язык. Координативное двуязычие описывается сопоставлением двух языков на глубинном уровне означения ситуации по правилам каждого из сопоставляемых языков. На таком уровне переключение происходит через систему смысловых соответствий. Субординативное двуязычие описывается по системе соответствий между правилами двух данных языков. Переход от одного языка к другому по правилам соответствия между ними возможен, но в основном он происходит с отклонением от этих правил, т. е. в условиях интерференции, когда говорящий строит сообщения на неродном языке по правилам родного [14; 15].

По данным Э. Э. Саркисова, в условиях билингвальной социальной коммуникации изолированное сосуществование двух языковых систем вообще невозможно [16].

Заслуживает внимания точка зрения В. М. Савицкого, который отметил, что билингвизм в своем исходном смысле (владение двумя родными языками) качественно отличается от билингвизма в понимании владения одним родным языком, сопровождаемого знанием неродного языка, тем, что «билингв формирует мысль, категоризирует и моделирует мир, вырабатывает ценностное отношение к миру на основе двух языков, в то время как субъект, знающий родной и неродной язык / языки, делает все это на базе своего единственного родного языка, а на неродные языки лишь переводит содержание, созданное на основе его родного языка» [11, с. 11].

Мы придерживаемся определения Е. М. Верещагина, согласно которому человек, способный употреблять в ситуациях общения две различные языковые системы, – билингв, а совокупность соответствующих умений – билингвизм [17]. Мы не настаиваем на большом словарном запасе второго языка у говорящего, наглядной иллюстрацией эффективности чего могут служить такие литературные герои, собирательные образы и персонажи, как Эллочка-людоедка из «Двенадцати стульев», матрос из песни *Russo matroso* группы «Чиж и Ко» или небезызвестная фраза Геши Козодоева из фильма «Бриллиантовая рука», которую он произносит в ситуации социального взаимо-

действия носителей разных языков: *Руссо туристо, облик морале, ферштейн?*, и многие другие, которые, обходясь минимальным набором слов, успешно взаимодействуют с другими людьми, даже находясь в условиях иноязычной среды.

Билингвизм в России

Россия, являясь многонациональной и многоконфессиональной страной, на государственном уровне проводит политику по равноправному и сбалансированному сохранению, поддержанию и развитию языков всех населяющих ее народов. В настоящее время, согласно действующему законодательству, в России на конституционном уровне закреплены и используются в качестве государственных 61 язык. В первую очередь это языки народов, населяющих республики, входящих в состав РФ. В большинстве республик государственными языками являются два языка – это язык субъектообразующего народа и русский. Однако встречаются и полилингвальные субъекты, лидером среди которых считается Республика Дагестан, где государственными языками являются «языки народов Дагестана», которых насчитывается более 30, и русский. Также полилингвальные республики: Кабардино-Балкарская Республика (3 государственных языка), Карачаево-Черкесская Республика (5), Республика Крым (3) и Республика Марий Эл (3). В общей сложности только на территориях, где на конституционном уровне закреплен билингвизм, проживает почти 26,5 млн человек, что составляет 18,05 % от общего населения России по данным переписи 2020 г., т. е. это примерно каждый пятый житель страны. К этому количеству следует добавить административно-территориальные части областей и краев РФ, в уставах которых в различных формулировках выражена и законодательно закреплена поддержка в сохранении и развитии языков малых народов, проживающих на территории этих субъектов. Так, в ч. 2 ст. 26 Устава Кемеровской области – Кузбасса указывается, что в целях защиты исконной среды обитания, традиционного образа жизни, хозяйствования и промыслов коренных малочисленных народов в соответствии с федеральным законодательством органы государственной власти Кузбасса создают условия для развития национальной культуры, возрождения, сохранения и развития языков коренных малочисленных народов.

Помимо людей, проживающих в билингвальной среде постоянно, следует учитывать и выходцев из нее, внутренних переселенцев, которые сохраняют свой язык при переезде на постоянное место жительства в иной регион и таким образом участвуют в формировании, поддержании и обогащении билингвальной и / или полилингвальной языковой и социокультурной среды. Немного меньше доля мигрантов из стран дальнего и ближнего зарубежья, приезжающих в Россию

на какой-либо срок. Независимо от длительности пребывания в стране мигранты создают билингвальный фон и способствуют языковым интерференциям.

Еще одним непреодолимым фактором для монолингвизма является современная система образования, в которой добровольное изучение второго неродного языка в виде дополнительных занятий с детьми в группе и индивидуально возможно уже в раннем возрасте при посещении дошкольного образовательного учреждения, а в обязательном порядке начинается со второго класса общеобразовательной школы. Вне системы образования обращает на себя внимание широко и повсеместно распространенный факт естественной реализации детьми, особенно дошкольного возраста, своей потребности в билингвизме посредством создания детских тайных / секретных языков. Это не зависит от пола ребенка и окружающей его социально-культурной среды, поскольку детские секретные языки создавались мальчиками и девочками как в СССР, так создаются ими и в современной России, не только в национальных республиках, но и в регионах с преобладанием русскоязычного населения.

Следует указать на фактическую разницу между русским разговорным и русским литературным языками, которые являются настолько разными, что А. В. Луначарский на одной из московских научных конференций назвал русский литературный язык иностранным [18].

Из сферы музыкального образования также выходят билингвы, владеющие первым родным языком и как минимум вторым – нотным.

В сфере трудовой деятельности при стремлении к достижению профессиональных высот человеку просто необходимо овладеть не только специальной терминологией и навыками изъяснения, но и необходимо понимать их. Эту ситуацию в повседневной жизни характеризуют реплики по типу *вроде бы говорит на русском, но ничего не понимаю*, а также распространенный в последнее время в СМИ оборот *что в переводе с дипломатического означает*.

Еще один актуальный вариант минимального билингвизма – освоение языка жестов для общения с людьми с ограниченными возможностями здоровья в части нарушения слуха и / или речи. Сюда же можно соотнести тех, кто в силу профессии или хобби свободно владеет азбукой Морзе или другими сигнальными системами передачи и восприятия информации, а также и при взаимодействии с виртуальной средой¹.

Нельзя не упомянуть и такие способы общения и коммуникации между людьми, как эмоции, русский мат и язык тела. Коммуникативная роль эмоций в современной психологии достаточно хорошо изучена и описана начиная с нахождения ребенка в утробе матери и до самой смерти человека. Будет уместно напомнить приведенный Е. П. Ильиным факт о том, что на Западе многие руководители принимают на работу сотрудников по коэффициенту интеллекта (IQ), а повышают в должности по эмоциональному коэффициенту (EQ), характеризующему способность человека к эмоциональному общению [19].

В этом контексте следует вспомнить церковнославянский язык, сопровождавший население Руси от крещения и до настоящего времени. В Европе же, с учетом того, что там ведущую роль играла римско-католическая церковь, универсальным языком образованной части населения тех времен стала латынь. Можно упомянуть метафоричность языка шаманов, которую следует суметь правильно интерпретировать, т. е. перевести на доступный и понятный язык обывателя. Важным является то, что именно шаманы пытались говорить с животными на их языке.

В условиях современного мира первоочередное влияние на формирование языковых компетенций и билингвизма оказывают гаджеты², которые посредством игровых приложений и социальных сетей прививают детям определенные языковые предпочтения и способствуют развитию языковой адаптации в социокультурной среде. Эта проблема, замеченная в Республике Тыва, обозначается не только в городах, где традиционно преобладал русский язык, но и в кожунах (районах)³ республики, где всегда ведущими были традиционный уклад жизни и национальный тувинский язык. Работники всех сфер, включая и образования, отмечают, что нынешние дети дошкольного и младшего школьного возраста, которые являются этническими тувинцами и проживают в условиях с преобладанием традиционной культуры, предпочитают использовать и в быту, и в школьной среде русский язык вместо тувинского. Недаром в Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг.⁴ идет речь о том, чтобы сформировать «тувинско-русский и русско-тувинский паритетный билингвизм», что с учетом объективных реалий резко контрастирует с тотальным доминированием во всех сферах тувинского языка в период конца 1990-х – начала 2000-х гг.

¹ Здесь подразумеваются во всем своем многообразии различные языки шифрования и компьютерного программирования.

² Само слово *гаджет*, так быстро и прочно вошедшее в повседневную русскую речь, является заимствованием из английского языка.

³ Такой замеченный по ходу написания статьи факт, как неосознанно-приоритетное употребление автором слова из тувинского языка *кожуун* вместо русского аналога *район* также является наглядной иллюстрацией языковых интерференций тувинского и русского языков.

⁴ О Стратегии государственной поддержки и развития тувинского языка в период с 2024 по 2033 гг. Указ Главы Республики Тыва № 274 от 21.08.2023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/1700202308240009> (дата обращения: 02.11.2023).

Свидетельством языковых интерференций в современном российском обществе, включая национальные республики, является сделанное заявление Главы Республики Чечня Рамзана Кадырова о том, что он уволит чиновников, дети которых не знают чеченский язык⁵. На федеральном уровне проблема языковых интерференций уже в русский язык в масштабах всей страны иллюстрируется законопроектом № 468229-8 от 26.10.2023, который должен «защитить русский язык и существенно ограничить использование "англицизмов" и иностранных слов на всей территории России и, прежде всего, в публичном пространстве»⁶.

Данные нормативно-правовые акты наглядно демонстрируют произошедшие языковые и социокультурные сдвиги⁷ в социальной среде Республики Тыва и России за последние 15–20 и более лет. Здесь следует отметить, что языки при столкновении на одной территории и в одном социуме обязательно претерпевают изменения различных языковых структур: изменение произношения – фонетический уровень, заимствование слов – лексический, заимствование и калькирование грамматики – грамматический уровень. Автор сам является свидетелем и может подтвердить то, что в повседневной жизни этнических тувинцев настоящего времени акцент и фонетическое оформление их речи на тувинском языке более русифицированы по сравнению с речью конца 1990-х – начала 2000-х гг. В грамматике это проявляется в путанице, смещении и предпочтении использования русскоязычной падежной системы⁸.

Согласно существующему научному мнению, абсолютное владение двумя языками невозможно, т. к. человек будет применять разные языки в определенных ситуациях общения. Крайне малоэффективным будет обращение носителя одного языка к носителю другого, к примеру, на жестовом языке, который ориентирован на лиц с ограниченными возможностями здоровья и имеет узкий круг применения.

Билингвизм в зарубежных странах

Официальное законодательное закрепление билингвизма – явление, которое не считается исключительно российским. Ближайшей как по духу, так и по расположению билингвальной страной является Республика Беларусь, где в качестве государственных закреплены белорусский и русский языки.

Другими би- или полилингвальными государствами Европы являются Австрия, Великобритания, Германия, Грузия, Норвегия, Швеция и многие другие. Полилингвальные государства Азии: Афганистан, Вьетнам, Израиль, Индия, Китай, Кыргызстан и др. В Кыргызстане вторым государственным языком закреплен русский, он же играет там роль мирового языка в системе среднего образования, в которой языки обучения (кыргызский, русский, таджикский, узбекский) сочетаются в 7 комбинациях, обеспечивая доступ к глобальным источникам информации в Сети. На американских континентах такими странами оказываются Аргентина, Боливия (где официальными языками признаны испанский и 36 местных языков), Бразилия, Мексика, Парагвай, США (где, например, только в штате Аляска кроме английского официально признаны еще 20 языков). Аналогичная ситуация в странах Африки, Австралии и Океании.

Итак, мы наглядно убедились в том, что подавляющая часть человечества проживает в условиях именно билингвальной социокультурной среды, которая является одним из тех факторов, которые, оказывая непосредственное влияние на психику человека, формируют его личность, включая и языковую. В России и сопредельных с нею странах представлены все мыслимые виды двуязычия и многоязычия [8; 20–25], что, с одной стороны, дает широкие возможности для изучения данного вопроса, а с другой – наглядно иллюстрирует влияние языковых систем на особенности мировосприятия и становления личности.

Методы и материалы

Для повышения качества и достоверности результатов исследования в нем принимали участие совершеннолетние, этнически русские носители русского языка, позиционирующие себя как монолингвы, отрицающие свою возможность говорения на тувинском языке и не состоящие в межнациональном браке. Всего было опрошено 45 респондентов: 21 (46,7 %) мужчина, 24 (53,3 %) женщины. 44 опрошенных (97,8 %) проживают на территории республики более 10 лет, 1 (2,2 %) – менее года. По возрасту участники распределились следующим образом: менее 25 лет – 1 человек (2 %); 25–30 лет – 2 человека (5 %); 31–40 лет – 10 человек (22 %); 41–50 лет – 10 человек (22 %); более 50 лет – 22 человека (49 %).

⁵ Кадыров заявил, что уволит чиновников, дети которых не знают чеченского. *РИА Новости*. 08.11.2023. URL: <https://ria.ru/20231108/chechnya-1908186014.html> (дата обращения: 08.11.2023).

⁶ О внесении изменений в ФЗ «О государственном языке РФ» и отдельные законодательные акты РФ. Проект ФЗ № 468229-8 от 26.10.2023. *СПС КонсультантПлюс*.

⁷ Иллюстрацией могут послужить уличные фоны сцен из фильмов 1950–1980-х гг. и аналогичные фоны фильмов российского периода (1990-е гг. – настоящее время), непосредственно задокументировавшие объективное состояние социума, где в советский период преобладает и доминирует моноэтническое русскоязычное большинство, а в российский период проявляется все культурное и языковое разнообразие страны.

⁸ В русском языке – 6 падежей, в тувинском – 7. Аналогичная ситуация с русским и английским языками, где 3 и 12 времен соответственно.

Статистическая обработка полученных результатов и социометрических данных проводилась на компьютерной программе IBM® SPSS® Statistics 20.0.0.1.

В ходе нейролингвистического исследования применялись следующие диагностические методы: клиническая беседа, наблюдение, анкетирование. Помимо таких антропометрических данных об обследуемом, как пол и возраст, для проведения исследования были сформулированы следующие критерии:

1. Проживание в Туве: менее 1 года; 1–2 года; более 2-х лет; более 5 лет; более 10 лет.

2. Знание тувинского языка: ни одного слова; 5–10 слов; до 50 слов; 50–100 слов; могу составлять фразы и предложения.

Порядок проведения исследования:

1. После установления контакта и базовых доверительных отношений с испытуемым проводилась общая беседа на тему владения им тувинским языком и способностью адекватно и эффективно функционировать в условиях межличностного или группового общения на тувинском языке.

2. Анкетирование с использованием ранее сформированных и одинаковых для всех вопросов.

3. Завершалось исследование еще одной клинической беседой с испытуемым по детализации его языковых навыков в тувинском языке.

Результаты

В результате исследования нами получены данные о том, что все 45 опрошенных (100 %) обладают в той или иной степени определенными компетенциями в тувинском языке и признают это. При этом более чем половиной выборки (55,5 %) было указано достаточное для минимального общения количество известных им слов и навык составления фраз и предложений. Исходя из тех результатов, которые были получены, только 44,4 % опрошенных обладают элементарными языковыми знаниями на уровне 5–10 слов (табл.).

Табл. Соотношение возраста и языковых компетенций
 Tab. Age vs. language competencies

Знание	Возраст					Итого, количество (%)
	Менее 25 лет	25–30 лет	31–40 лет	41–50 лет	Более 50	
5–10 слов	1	–	7	5	7	20 (44,4 %)
До 50 слов	–	–	2	1	12	15 (33,3 %)
50–100 слов	–	2	1	3	3	9 (20,0 %)
Могу составлять фразы и предложения	–	–	–	1	–	1 (2,2 %)

В ходе качественного анализа языковых навыков респондентов были выявлены следующие особенности:

1. Подавляющее большинство респондентов указывали на то, что, находясь в ситуации речевого взаимодействия между кем-либо на тувинском языке, они способны понимать общий смысл и содержание беседы. Но это им недоступно при чтении текста или прослушивании речи вне конкретной ситуации, например, речь диктора в новостях ими не понималась.

2. Большинство опрошенных знают только существительные и прилагательные. При этом диапазон слов в большинстве своем состоит из топонимов (*холь* – озеро, *хем* – река, *даш* – камень) и названий животных (*адыг* – медведь, *куулар* – лебедь). Прилагательные в большинстве представлены основными цветами (*кызыл* – красный, *кара* – черный, *сарыг* – желтый). Местоимения ограничиваются только *я* и *ты*, иногда *он*, *она*, *Вы*, но не *мой* или *мне* и т.д. Если числительные и известны, то в прямом порядке (*один*, *два*, *три*), но не *первый*, *второй*, *оба*. Респондентам практически не известны глаголы. Основным источником знаний являются названия мест, фамилии и имена людей.

3. В ходе клинических бесед у некоторых респондентов была выявлена такая социально-психологическая особенность, как устойчивое нежелание признавать свои языковые навыки в тувинском языке в силу ярко выраженной русской культурной самоидентификации.

4. Несколько респондентов при беседе указали, что ранее, в силу действовавшей тогда программы образования, ими тувинский язык изучался в вузе, но несмотря на то, что все последующее время они находились (жили и работали) в условиях естественного тувинско-русского билингвизма и объективно имели возможность закрепления и совершенствования своих языковых компетенций в сфере тувинского языка, полученные языковые навыки ими утрачены.

5. Многими респондентами факт знания ими каких-либо слов тувинского языка не осознается. Примером может послужить такой факт, как упоминание опрашиваемыми элементарных слов тувинского языка *да* (ийе) и *нет* (чок), а также широко распространенного выражения одобрения, согласия *чаа!* и многих других слов (*хурал*, *хоорай*, *соктур*, *шын* и т.д.). При этом при чтении таких слов на вывесках или в Сети они их понимают и неосознанно переводят на русский язык.

На основе этого мы можем сделать вывод, что не всегда становится понятным, кого следует считать монолингвом, в связи с чем возникает ряд вопросов для будущих исследований: Будет ли монолингвом человек, который ранее владел языком, а сейчас такой навык утрачен? Билингв ли тот, кто только читает (или только говорит) на втором языке? Монолингв или билингв человек, который, имея крайне ограниченный запас слов или не имея его вообще, эффективно коммуницирует в иноязычной среде?

Заключение

В условиях современной социокультурной среды проявление монолингвизма возможно только на самых ранних стадиях формирования психики и исключительно в доречевой период. В онтогенезе монолингвизм в результате воздействия социокультурной среды с различной интенсивностью трансформируется в психологический билингвизм, а далее – уже в полилингвизм. Речевые компетенции русскоязычных жителей-монолингвов Республики Тыва формируются в естественной билингвальной среде и имеют определенные особенности, обусловленные условиями обучения и воспитания. Среди речевых компетенций русскоязычных жителей-монолингвов Республики

Тыва, сформированных в условиях естественной билингвальной среды, имеются неосознаваемые и / или непризнаваемые речевые компетенции иных языковых систем, в том числе тувинского языка, в результате чего они фактически являются билингвами.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author stated that there are no potential conflicts of interest regarding the research, authorship and/or publication of this article.

Литература / References

1. Морозова И. С., Булгакова Е. О. Совместная мыслительная деятельность и ее применение в практике обучения. *Вестник КемГУ*. 2007. № 1. С. 20–25. [Morozova I. S., Bulgakova E. O. Joint mental activity and its application in teaching practice. *Vestnik KemGU*, 2007, (1): 20–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ltxksd>
2. Богус М. В. Влияние билингвизма на интеллектуальное развитие личности обучаемых. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология*. 2008. № 7. С. 40–44. [Bogus M. V. Effect of bilingualism on the intellectual development of students' personality. *The bulletin of Adyge State University. Series 3: Pedagogy and Psychology*, 2008, (7): 40–44. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kglpfr>
3. Емельянова Я. Б. Различные подходы к оценке влияния билингвизма на интеллектуальное развитие личности. *Вестник Челябинского гос. пед. ун-та*. 2010. № 2. С. 91–102. [Emelyanova Ya. B. Different approaches to bilingualism effect evaluation for personality's cognitive development. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2010, (2): 91–102. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/mqphch>
4. Новикова Д. А., Метласова Т. М. Естественный и искусственный билингвизм. *Языковые и культурные контакты: лингвистический и лингводидактический аспекты: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Саратов, 14–15 ноября 2019 г.) Саратов: Сарат. ист-к, 2019. С. 221–224. [Novikova D. A., Metlasova T. M. Natural and artificial bilingualism. *Linguistic and cultural contacts: linguistic and didactic aspects: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Saratov, 14–15 Nov 2019. Saratov: Sarat. ist-k, 2019, 221–224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/duujmm>
5. Космина М. А. Влияние билингвизма на формирование языковой компетентности у детей 6–7 лет. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2007. № 20. С. 307–311. [Kosmina M. A. Bilingualism's influence on formation of language competence of 6–7-year-old children. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2007, (20): 307–311. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/kohvah>
6. Джагапирова Е. Ю. Особенности развития языковой личности детей, воспитывающихся в условиях естественного и искусственного билингвизма. *Актуальные проблемы современной науки: IV Междунар. науч.-практ. конф.* (Алушта, 27–30 апреля 2015 г.) Ставрополь: СУ, 2015. Т. 1. С. 172–174. [Jagapirova E. Y. Linguistic personality development in children in conditions of natural and artificial bilingualism. *Relevant issues of modern science: Proc. IV Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Alushta, 27–30 Apr 2015. Stavropol: SU, 2015, vol. 1, 172–174. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/txygyn>
7. Никитенко Ю. С. Когнитивные и социокультурные аспекты билингвизма. *Образование от «А» до «Я»*. 2022. № 2. С. 59–61. [Nikitenko Y. S. Cognitive and socio-cultural aspects of bilingualism. *Obrazovanie ot "A" do "Ya"*, 2022, (2): 59–61. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/tdqcss>
8. Маханькова Н. А., Морозова И. С. Особенности речевой деятельности шорцев в условиях билингвизма. *Вестник КемГУ*. 2007. № 1. С. 14–20. [Makhankova N. A., Morozova I. S. Speech activity of Shorians in bilingual conditions. *Vestnik KemGU*, 2007, (1): 14–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ltxkrt>
9. Цветкова Т. К. Теория билингвизма – основа современной лингводидактики. М.: Спутник, 2020. 117 с. [Tsvetkova T. K. *Theory of bilingualism as the basis of modern linguistic didactics*. Moscow: Sputnik, 2020, 117. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qlfxdb>
10. Симонов К. В. К вопросу об определении и типологизации понятия «билингвизм». *Актуальные проблемы и современные технологии преподавания иностранных языков в неспециальных вузах: XIV Всерос. с Междунар. уч. науч.-практ. конф.* (Воронеж, 19–20 марта 2021 г.) Воронеж: Науч. кн., 2021. С. 220–224. [Simonov K. V. Definition

- and typology of the concept of bilingualism. *Relevant issues and modern technologies of teaching foreign languages in non-specialized universities*: Proc. XIV All-Russian Sci.-Prac. Conf. with Intern. participation, Voronezh, 19–20 Mar 2021. Voronezh: Nauch. kn., 2021, 220–224. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rstshf>
11. Савицкий В. М. Билингвизм и владение неродным языком: качественное различие. *Российский журнал исследований билингвизма*. 2021. № 1. С. 11–20. [Savitsky V. M. Bilingualism and non-native language proficiency: a qualitative difference. *Russian Journal of Bilingualism Studies*, 2021, (1): 11–20. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/rpwkaa>
 12. Нищимова Е. А., Малоокая Ж. Ю. Идеи развития билингвизма в зарубежной литературе и их влияние на иноязычное образование. *Вестник Ставропольского гос. ун-та*. 2011. № 2. С. 42–49. [Nishchimova E. A., Malookaya J. U. Ideas of bilingualism development in foreign literature and their effect upon foreign language study. *Vestnik Stavropolskogo gos. un-ta*, 2011, (2): 42–49. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/nyaujn>
 13. Розенцвейг В. Ю. Языковые контакты. Л.: Наука, 1972. 80 с. [Rosenzweig V. Y. *Language contacts*. Leningrad: Nauka, 1972, 80. (In Russ.)]
 14. Цветкова Л. С. Нейропсихологическая реабилитация больных. Речь и интеллектуальная деятельность. 2-е изд. М.: МПСИ, 2004. 324 с. [Tsvetkova L. S. *Neuropsychological rehabilitation in patients. Speech and intellectual activity*. 2nd ed. Moscow: MPSI, 2004, 324. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qlfxdb>
 15. Знаменская Т. А. Проблемы билингвизма и его влияния на языковую личность. *Инновационные проекты и программы в образовании*. 2014. № 3. С. 42–46. [Znamenskaya T. A. Problems of bilingualism and its effect on the linguistic personality. *Innovatsionnye projekty i programmy v obrazovanii*, 2014, (3): 42–46. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/sewtrwb>
 16. Саркисов Э. Э. К вопросу о «чистом» билингвизме, или возможен ли билингвизм без интерференций? *Актуальные проблемы англоязычной филологии, лингвистики и межкультурной коммуникации*, ред. С. Г. Николаев. Ростов н/Д.: Профпресслит, 2022. С. 188–199. [Sarkisov E. E. On the problem of clear bilingualism, or does bilingualism exist beyond interference? *Current problems of English-language philology, linguistics and intercultural communication: collection of articles*, ed. Nikolaev S. G. Rostov-on-Don: Profpresslit, 2022, 188–199. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/lklikj>
 17. Верещагин Е. М. Психологические и методические характеристики двуязычия (билингвизма). М.-Берлин: Директ-Медиа, 2014. 162 с. [Verescagin Ye. M. *Psychological and methodological characteristics of bilingualism*. Moscow-Berlin: Direkt-Media, 2014, 162. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ylqlzh>
 18. Щерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность. Л.: Наука, 1974. 427 с. [Shcherba L. V. *Language system and speech activity*. Leningrad: Nauka, 1974, 427. (In Russ.)]
 19. Ильин Е. П. Эмоции и чувства. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2011. 784 с. [Ilyin E. P. *Emotions and feelings*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2011, 782. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/uymwzb>
 20. Сартбекова Н. К., Абакулов Р. А. К вопросу о билингвизме в Кыргызстане. *Наука и инновационные технологии*. 2023. № 2. С. 231–237. [Sartbekova N. K., Abakulov R. A. To the issue of bilingualism in Kyrgyzstan. *Science and innovation technologies*, 2023, (2): 231–237. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33942/sit042327>
 21. Аден Ж. Ш., Сансызбаева С. К. Двуязычие как феномен транскультурной коммуникации. *Keruen*. 2022. Т. 76. № 3. С. 304–319. [Aden Zh. Sh., Sansyzybayeva S. K. Bilingualism as a phenomenon of transcultural communication. *Keruen*, 2022, 76(3): 304–319. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53871/2078-8134.2022.3-26>
 22. Донгак Ч. Б. Тувинско-русский билингвизм в дискурсивном аспекте. *Казанская наука*. 2021. № 11. С. 168–171. [Dongak Ch. B. Tuvan-Russian bilingualism in discourse representation. *Kazan science*, 2021, (11): 168–171. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/wvnsnb>
 23. Колмогорова А. В., Маликова А. В. Субъективные и объективные факторы билингвизма в эмоциональном восприятии текста (на материале тувинско-русского билингвизма). *Вестник КемГУ*. 2022. Т. 24. № 6. С. 735–743. [Kolmogorova A. V., Malikova A. V. Subjective and objective factors of bilingualism in the emotional text comprehension in Tuvan-Russian bilinguals. *Vestnik KemGU*, 2022, 24(6): 735–743. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-6-735-743>
 24. Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2007. 526 с. [Asmolov A. G. *Personality psychology: cultural and historical understanding of human development*. 3rd ed. Moscow: Smysl, 2007, 526. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/qxqimt>
 25. Кравцов Г. Г. Проблема личности в культурно-исторической психологии. *Культурно-историческая психология*. 2006. № 1. С. 18–25. [Kravtsov G. G. Personality in cultural and historical psychology. *Cultural-Historical Psychology*, 2006, (1): 18–25. (In Russ.)] <https://www.elibrary.ru/ltwhff>